

Кувшинура. — 1993. — 6 февр. С. 7

Один из апостолов «Современника»



Возникновение театра, если, конечно, он явился на свет естественно, от соединения двух начал — лидера и поверивших в него артистов, — напоминает возникновение новой церкви.

Я смотрю на старую фотографию. Артисты только что родившейся студии вышли на поклон после первой своей премьеры — спектакля «Вечно живые». Выстроились на авансцене смущенные успехом. Рядом с ними автор пьесы Виктор Розов. Кланяться они еще не умеют, но в глазах их счастье. А мы, первые зрители, приветствуем их стоя. Сделано фото 15 апреля 1956 года в зрительном зале филлала Художественного театра, что на улице Москвина. 37 лет тому назад. «Студия молодых актеров» возьмет себе имя «Современник», станет знаменитым театром, властителем дум не одного поколения зрителей.

Из тех, кто тогда вышел на поклон, в театре сегодня трое — Галина Волчек, Лидия Толмачева и он, Игорь Кваша. Они апостолы «Современника». Хранители его завета. Кваше сегодня — шестьдесят. Не идут ему юбилейные придыхания. Прежде думаю о другом — о странной корневой системе его характера, сыгравшей большую роль в критический момент жизни его театра. Когда в 1970 году основатель его Олег Ефремов и группа актеров в силу обстоятельств (они сложны, как сложна сама жизнь театра, являющаяся собой концентрированную жизнь вообще) покинули «Современник», он упрямо повторял свое — театр должен выстоять, его надо сохранить во что бы то ни стало. Ось этой

театральной планеты сильно накренилась тогда, но благодаря устойчивости главной группы, в которую входил и он, «Современник», к удивлению многих, не сошел с орбиты. Тут и его заслуга.

А что до образов... Многие живут в моей памяти. Например, Первый министр в «Голем короле», крамольной постановке театра. Он играл потрясающего подхалима в маске героически правдивого старика. Я все думал, кого это он мне напоминает, когда режет королю «правду-матку» («Я старик прямой, честный, я

вам в лицо скажу: вы гений, ваше величество!»). И вспомнил: да это же Суслов на известной фотографии, заглядывающий в глаза награждаемого очередной звездой Брежнев!

Кваша обладает даром, если можно так сказать, лирического сарказма. В спектакле «Балалайкин и К^о», поставленном Г. Товстоноговым по «Современной идиллии» Щедрина, в дуэте с Гафтом Кваша дал, на мой взгляд, бессмертный портрет «прогрессиста», сдающего «кварталу» одну позицию за другой, доходящего до вос-

торга, до экстаза приспособленчества! А ведь это тот самый артист, что играл в «Вечно живых» трогательно чистого мальчика, юного фронтозика, а в спектакле «Два цвета» — мальчика-рыцаря без страха и упрека. Бесконфликтные роли, от которых отказываются многие актеры, у молодого Квашы выглядели строкой из стихотворения, ими любовались.

Чувствую, как персонажи его обступают меня, и я вот-вот собою на театроведческое монотонное перечисление. А это скучно, и совсем ему не идет. Но об одном его образе все-таки напомним.

Спектакль «На дне», поставленный Галиной Волчек в 1969 году, переломил десятилетиями складывавшуюся в нашем театре «соцреалистическую» традицию постановки лучшей горьковской пьесы. «Современник» вернул Сатину его профессию шулера, а Луку Кваша сыграл как праведника, помонника добра, утешителя страждущих. Это было само милосердие, а «милосердие», как помнит читатель, еще недавно являлось понятием подозрительным, «не нашим!». Или вот «Назначение», где в паре с Волчек играл он одного из родителей героя. Впрочем, это уже получается «юбилейное». Надо остановиться.

Люблю встречать его, всегда элегантно, спортивного, не стареющего... Нет, конечно, годы идут, но как-то мало на нем отражаются.

Ну-сс, как-никак, а все-таки с юбилеем, Игорь Владимирович!

А. СВОБОДИН.

6.02.93

Кваша Игорь